

МИХАИЛ ЕФРЕМОВ И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ

год принес вам некоторые события, скажем так – не слишком приятные. Можете вы их как-то прокомментировать?

– Не знаю, нет... Я бы не хотел об этом говорить, потому что... Не все мои мотивы и обстоятельства известны широкой общественности, а ворошить это и вспоминать мне не хотелось бы. Скажем так. Я ощущаю свою вину и думаю, что это в немалой степени помогло мне при работе над "Столпником". Потому что ощущение своей вины при такой работе, наверное, необходимо... В данных условиях, в данном месте и в данной стране.

– Миша, раз уж вы ставите философские фарсы, давайте пофилософствуем. Тем более, речь зашла о стране. Смотрила я недавно Пресс-клуб. Там искала национальную идею. Кто-то сказал – а вот в Швеции вообще нет национальной идеи, а ведь как хорошо живут! Но большинство все-таки решило, что безбедное и комфортное существование как-то не тянет на национальную идею. А вот для вас – что такое национальная идея?

– Я с опаской отношусь к таким терминам. Потому что не знаю хуже вещей, чем национализм. Это ведь отмазка для людей, которые все еще продолжают искать – кто же виноват? Мы русские, у нас четыре уха и поэтому мы лучше слышим, восемь глаз и поэтому мы лучше видим, и душа огромная – как наши просторы. Нет, это бред. Не национальная идея нужна, а скорее человеческая, религиозная... культурная, если хотите. Культурный человек, не интеллектуальный, а именно культурный, не будет искать национальную идею. Она ему просто не нужна из-за своей узости. В России главная беда, в тотальном отсутствии культуры – как понимания своей личной ответственности за происходящее. И бескультурье наше, в основном, увы, в городах, превратившихся в скопища маргиналов, а в провинции, в деревнях – знаете, там другая жизнь. Более чистая что ли, традиционная. Ну, попробуйте, скажите селянину во время страды про национальную идею. Он вас не поймет, надеюсь.

– А как насчет крайностей, в которые кидает загадочную русскую душу? Вот ваш Максимилиан Столпник – человек весьма пьющий, при этом горячо и страстно молящийся. Охлобыстин так и сказал на пресс-конференции после премьеры – да, вот такая наша жизнь. В смысле – ваша жизнь, вашей тусовки.

– У Лескова есть рассказ, не помню сейчас точного названия, – там про купцов, которые пьют, гуляют, куролесят, а потом идут в церковь и стоят там по восемь часов, молятся. Не знаю я. Это как кому нравится, кто-то, наверное, пьет и не молится. Так уж лучше пить и молиться.

– А не пить и молиться?

– Ну это только святые!

– А вы человек верующий?

– Я знаю одно, что если сорок раз подряд сказать: "Господи Иисусе, помилуй меня грешного", – то я ощущаю в себе... некий подъем. Мне становится легче.

– Миша, при всем довольно счастливым раскладе вашей судьбы, вы не производите впечатление внутреннего благополучного человека. Или это ошибочное мнение? Вообще, от чего зависит ваше благополучие и неблагополучие?

– Да от всего зависит. Любые обстоятельства сиюминутные и вся та судьба, которая была до. Тут вот ведь какая штука... По-настоящему верующие люди испытывают благодать. Я общался с такими людьми, у них замечательно светлые, спокойные, радостные глаза. Но я бы не назвал это благополучием. Это именно благо-дать, когда благо дается тебе кем-то или чем-то высшим, и ты способен это почувствовать и принять. А благо-получие – это то, что человек должен получить сам. Благодатный чело-

век живет по законам свыше, а благополучный придумывает их под себя, под свое благополучие. И как в "Максимилиане Столпнике" сказано, что своими-то законами минимум десяток-другой на тот свет отправишь. Что в общем и происходит, как видим.

– Насколько вам важен внутренний покой, комфорт?

– Иногда это приятно. Но долго комфортно ощущать себя скучно. Потому что нет пищи для башки. Ведь должно быть интересно! А интерес – это уже дискомфорт. Это – не покой. Вспомните, что Воланд дал Мастеру – не истину, не свет, а покой. И это уже было финалом. Нет, покой – это уже не жизнь. Он не предполагает движения.

– А материальный достаток вам важен? Я так понимаю, что квартиры собственной у вас нет, иномарки нет, ресторана тоже своего нет. Хотя в той среде, где вы крутитесь, материальное благополучие – не последнее из жизненных ценностей.

– А я не умею! Тому, кто умеет – Бог в помощь. У меня же коммерческий идиотизм. Наследственный. Мама рассказывает историю, как бабушка во время войны, пришла как-то домой с рынка и говорит – мол, все мне надоело, больше не могу – буду торговаться – как все. И вот на следующий день пошла она снова на рынок и спрашивает: "Почем пучок редиски?" – "25 копеек, барышня," – отвечают ей. На что бабушка деловито осведомилась: "А три на рубль пойдет?" Так что в этом смысле я все про себя понял еще лет в двадцать. Да и вообще... Устаешь от этого! От желаний, от мыслей, что у кого-то что-то есть, а у тебя нет. Я так к этому и отношусь – как фишка ляжет. Один раз выиграл я в казино много, долларов восемьсот. Это было приятно, но не важно.

– Богат тот, кому достаточно, как Столпник выражается?

– Ну да.

– А что такое для вас свобода?

– Ух! Свобода – хорошая штука! Но это в первую очередь допускать свободу других. Честно говоря, я не могу сказать, что ощущаю себя свободным. Бывают иногда проблемки... Но иногда.

– Сейчас у вас все как будто есть для создания собственного театра. И автор у вас – из лучших на сегодня, актер на главные роли тоже есть, художник, композитор, режиссер. Полный комплект.

– У нас нету директора-менеджера! Все упирается даже не в деньги, а в организацию.

– А разве вы, при вашей-то энергии, не можете организовать?

– Могу. Но сил нет. А у Никиты – музей отца, он взвалил на себя огромное, тяжелейшее дело, все на нервах. Но... Там посмотрим.

– Но мечта есть?

– Ну как от мечты уберешься?! Есть. Есть.

– Слышала, Евгений Колобов предложил поставить вам оперу у него в театре.

– Да, это в ближайших планах. Опера Рубинштейна "Демон", по Лермонтову. Это предложение мне, конечно, и очень лестно, безумно интересно и страшно. Так что боюсь пока об этом подробно говорить. Ответственное дело. Уже не как сын выступаю, а как внук.

– Знаете, у Достоевского есть "Вечный муж", а вы – вечный сын, а теперь еще и внук – замечательного оперного режиссера Бориса Александровича Покровского. Достается вам?

– Господи, да возьмите газеты почитайте. На премьеру того же "Стол-

пника". Как нас там всех... И Никиту, и Женю Митту, и меня. А вопрос: "Трудно ли быть сыном Ефремова?" – я слышал сотни миллионов раз. Глупость какая. "Нет-нет, что вы, совсем не трудно."

– Приятно?

– Да не могу сказать, что так уж приятно... Скорее (официальным тоном) ответственно и... полноценно.

– В "Столпнике" есть цитата из "Синей птицы", когда взявшись за руки массовка распевает: "Мы длинной вереницей идем за синей птицей." Зал хохочет, цитата в контексте спектакля выглядит и вправду смешно. Но ведь, в сущности, все мы, так или иначе, мечтаем ухватить за хвост эту синюю птицу? Ведь так?

– Так. Но по мне – достижение цели не главное, хотя цель и должна быть. Где-то там... Главное – движение, главное – "идем".

Нина СУСЛОВИЧ

тоже.

– Сам Охлобыстин назвал "Столпника" героической комедией. В чем же ее героизм?

– Героизм ее в том, что она не очень смешная. Здесь есть вещи, на которых не шутят. Кстати, называть это можно как угодно, любое название и определение всегда условно, так как зависит от вкуса человека и угла зрения. Вячеслав Михайлович Невинный, к примеру, назвал спектакль философским фарсом. Тоже хорошо.

– Мудрено все как. А в сущности, есть человек со смешным именем Максимилиан Арбузов. Талантливый авантюрист, чья профессия – за большие и очень большие деньги давать советы, создавать карьеры. Его услугами пользуются бизнесмены, желающие стать депутатами Думы, президенты, звезды эстрады и даже Папа Римский. Это в первом акте, а во втором Максимилиан на стоп залез и молится начал, и каяться. Сергей Шкаликов играет потрясающе, и это вообще отдельный разговор. Но вот лично для вас – какой оправдательный мотив этому превращению – Арбузова в Столпника?

– Потому что когда-то надо остановиться. Понимаете, Макс – провокатор. Он спровоцировал одну смерть, другую...

– ... но ведь не желая этого...

– Да не-ет, не не желая... Он почувствовал себя всемогущим. Осталось, ну я не знаю, только Курский вокзал взорвать или что-то в этом роде. Вот он на столп и залезает. Он понял, что надо остановиться! Знаете, Анатолий Васильев, разбирая роль Зилова, сказал, что это неостановимый полет пули. Ну у нас, может, и не так тонко, но первый акт – что-то в этом роде. А вот во втором – остановка на полной скорости. Макс надо тормознуть, а народ-то уже заведенный вокруг и кричит – давай, давай! Это страшное дело.

– "Столпник" – ваш первый спектакль на большой сцене МХАТ, да еще в юбилейном сезоне. Я почему-то уверена, что в жизни, как и в творчестве, случайностей не бывает, все происходит в нужный момент и в нужном месте. И вот ваша компания с "новыми формами" – на сцене Художественного театра, в канун столетия. Есть ощущение покорения именно этой сцены?

– Да что вы, какое покорение. Есть надежды на это, ответственность большая – тоже есть, и благодарность – что дали это сделать. А спектакль – это ведь не премьера, а жизнь на сцене, развитие. Посмотрим, как он будет жить дальше. Мы с Никитой Высоцким будем прикладывать массу усилий, чтобы спектакль не распался на репризы. Пьеса-то смешная! И текст классный, репризный. Здесь главное держаться постоянно внутренней линии, а не идти на поводу у смеющегося зала.

– Все ваши друзья-товарищи по работе успешные, самодостаточные люди. А ведь театр – это режиссерская диктатура...

– Даже тирания...

– Ну вот видите. Как вы решали эту проблему – конфликты были?

– Конечно. Но я научился идти на компромиссы, потому что знаю – у меня самого характер совсем не сахар, и мои товарищи тоже вынуждены идти на компромиссы со мной.

– Вот о вашем характере. Последний

Сцена спектакля
"Максимилиан Столпник"
Фото Игоря АЛЕКСАНДРОВА